

«ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ»
ЖОРЖА КАНГИЛЕМА: СЛУЧАЙ ПСИХОЛОГИИ

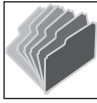
Т.Д. СОКОЛОВА

Предлагаемая читателю статья французского эпистемолога и философа науки Жоржа Кангилема (1904–1995) «Что такое психология?»¹ изначально представляла собой лекцию, прочитанную 18 декабря 1956 г. в Философском колледже в Париже. Тема лекции была весьма актуальной для французской философской среды: так называемая философская психология, к представителям которой психологи с *Faculté des Sciences* относили сначала Э. Гуссерля, а впоследствии Ж.П. Сартра и М. Мерло-Понти, занимала доминирующее положение в университетах. В то же самое время философы с *Faculté des Lettres*² считали, что экспериментальная психология мало чем отличается от исследований В. Вундта и что ее попытки создать «точную» науку о человеке не могут увенчаться успехом. Причем этой точки зрения придерживались не только представители философской психологии, но и ее критики, к которым относится и Кангилем.

Философские взгляды самого Кангилема примыкают к «французскому стилю» эпистемологии, отличительной особенностью которого является отождествление эпистемологии и философии науки, а основным методом исследования постулируется исторический анализ научных понятий. Несмотря на широкую известность Кангилема как во Франции, так и за ее пределами, ни одна из его работ не была переведена на русский язык. Основные труды философа лежат в области истории и философии наук о живом и медицины: «*Essai sur quelques problèmes concernant le normal et le pathologique*» (1943); «*La*

¹ *Canguilhem G. Qu'est-ce que la psychologie? // Revue de Métaphysique et de Morale. 1958. № 1. P. 12–25.*

² *Faculté des Sciences* – общее название для факультетов, на которых преподаются точные науки и математика. *Faculté des Lettres* – общее название для гуманитарных факультетов.

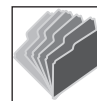
connaissance de la vie» (1952); «La formation du concept de réflexe aux XVII et XVIII siècles» (1955); «Idéologie et rationalité dans l'histoire des sciences de la vie» (1977).

Вплоть до 1960-х гг. ситуация во французской академической (прежде всего гуманитарной) среде складывалась для психологии не самым благоприятным образом. Несмотря на наличие ряда центров и лабораторий, в том числе и при крупных исследовательских институтах, таких, как Коллеж де Франс, за психологией не был закреплен статус академической дисциплины. Чтобы занимать должность в университете, психологу приходилось получать дополнительную научную степень, например, по медицине, биологии или философии. Первое официальное учреждение, выдающее дипломы о психологическом образовании, – Институт психологии при Парижском университете (сегодня Париж-VII) – было создано во Франции в 1920 г. Анри Пьероном, получившим психологическое образование в Бельгии. Институт выдавал дипломы об окончании годичного курса по психологии. В 1948 г. Даниэль Лагаш, работу которого Кангилем критикует в настоящей статье, открыл в Институте бакалавриат (licence, 3 года обучения) по четырем психологическим специальностям. До этого диплом о высшем психологическом образовании во франкофонной части Европы можно было получить в Бельгии или Швейцарии, но не во Франции.

Деятельность Института психологии, несмотря на старания его основателей, носила в основном локальный характер и встречала массу преград во французской академии, прежде всего со стороны философов. Жан Пиаже, ссылаясь на слова Пьерона, описывает положение психологии во Франции следующим образом: «Французская психология могла развиваться только на периферии официальных институтов и в постоянной борьбе с силами философии»³.

Однако когда в 1961 г. директором Института психологии становится Поль Фресс, ситуация начинает меняться. Во многом благодаря его активной деятельности Институт превращается в крупный исследовательский и образовательный центр: количество студентов с каждым годом растет (к 1970 г. оно выросло с 44 до 300), появляются новые направления исследований, развиваются международные связи. Французские психологи, участвующие в деятельности Института, совместно со швейцарскими и бельгийскими коллегами создают программу «научной психологии». Такая психология, с одной стороны, уже не является чисто экспериментальной, а с другой – противостоит «философской психологии», развивающейся в рамках феноменологии и экзистенциализма. В этой форме психология начинает завоевывать свое место в структуре французского высшего образования.

³ Piaget J. Sagesse et illusions de la philosophie. P., 1965. P. 38.

В 1966 г. во втором номере журнала «Cahiers pour l'Analyse»⁴, в заглавии которого был вынесен тот же вопрос «Что такое психология?», Кангилом переиздает текст своей первоначальной статьи, не внося в него никаких изменений. Стоит отметить, что Кангилом являлся одним из инициаторов создания «Cahiers pour l'Analyse». В качестве основной цели данного журнала его основатели постулировали создание философии, ориентированной на научные методы исследования и аналогичным образом направленной против «философской психологии» (в особенности против экзистенциализма). Возрастающая активность французских «научных психологов», противопоставляющих себя как философии, так и экспериментальной психологии старого типа, не могла остаться незамеченной философами.

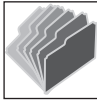
Следуя своей программе «эпистемологической истории», направленной на выявление генезиса научных понятий и оценки их релевантности, Кангилом рассматривает историю психологии в ее связи с философией и медициной и формулирует две ключевые проблемы современной ему научной психологии. Первая проблема – сомнительный характер научности психологии в силу шаткости (по сравнению, например, с физикой или химией) ее теоретических оснований. Вторая – социальные следствия из применения на практике данных психологических исследований, которые могут обратиться в тиранию над обществом со стороны тех или иных властных институтов. Вторая проблема в данном случае является прямым следствием первой: отсутствие теоретических рамок ставит под сомнение законность практических применений полученных результатов. Именно эти претензии к психологии со стороны философии, ярко продемонстрированные в данной статье сквозь призму истории, задали особый тип отношения академических философов к психологам, некоторые черты которого сохраняются и сегодня.

Неприятие философии и психологии было обоюдным: несмотря на отдельные попытки совместных исследований, данные дисциплины, хотя и имели ряд общих тем, стремились свести взаимодействие к минимуму⁵. В первую очередь это отразилось на преподавании философии в университетах и высших школах. Паскаль Энгель, изучавший философию в Высшей нормальной школе в 1970-е гг., описывает ситуацию на факультете следующим образом: «Нас, студентов-философов, учили не доверять дисциплине, которая подозревалась в том, что за ее претензиями на научность скрывается очередная форма социального контроля»⁶. Эта тенденция недоверия к научной психо-

⁴ Cahiers pour l'Analyse. Vol. 2. Qu'est-ce que la psychologie? P., 1966. P. 76–92.

⁵ В частности, см. доклад Ж. Пиаже 1966 г. «Что такое психология?» (Qu'est-ce que la psychologie? // I.S.E. ECHO. Bulletin du mois février 1967 de l'Association des sciences de l'éducation. Genève, 1967. P. 10–18), в котором постулируется разрыв научной психологии с философией.

⁶ Engel P. Philosophie et psychologie. P., 1996. P. 13.

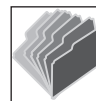

логии сохраняется в большинстве крупных течений французской философии XX в. – экзистенциализме, структурализме, французском марксизме – и еще больше радикализируется последующими поколениями французских философов (Луи Альтюссером, Мишелем Фуко, Аленом Бадью и многими другими).

В то же время можно наблюдать и обратную тенденцию, когда ряд тем, ранее изучавшихся в рамках философии, практически полностью были отданы психологии: «В современной французской философии многие восходящие к психологии или к философской психологии темы, как, например, природа памяти, воли, ментальных образов, интенции или эмоций, исчезли из сферы интересов философов и частично из образовательных программ»⁷. Решение психологами первой проблемы – обоснования психологии как научной дисциплины о человеческом поведении – не смогло снять вторую, а лишь повлекло за собой перераспределение предметов исследования и компетенций между философами и психологами. В этом отношении проблемы, выделенные Кангилем, сохраняют свое значение уже не для психологии, к которой они были изначально адресованы, а для современных философских исследований, а также для способов преподавания философских дисциплин.

Если принять во внимание, что Кангилем на протяжении своей академической карьеры занимал высокие должности в системе высшего философского образования и большинство французских философов второй половины XX в. в той или иной степени были его учениками, распространение заданного им типа отношения к психологии на философских факультетах вполне объяснимо. Хотя Кангилем и не выступает в качестве противника психологии, а лишь подчеркивает ее слабые стороны, центральные пункты его критики были развиты не только в эпистемологии и философии науки, но и в политической и социальной философии во Франции. Актуальность Кангиля для понимания различных направлений французской философии подчеркивает и Фуко, один из самых известных его учеников. «Возникает парадокс: человек, работы которого строги, намеренно и осторожно ограничены узкой областью истории науки, которая в любом случае не смогла бы стать увлекательной дисциплиной, каким-то образом обнаружил себя вовлеченным в дискуссии, от участия в которых он стремился отстраниться. Но уберите Кангиля, и вы больше никогда не поймете ни Альтюссера, ни его последователей, ни целые серии дискуссий, разворачивающихся среди французских марксистов; также вы не поймете таких социологов, как Бурдьё, Кастель, Пассерон, и то, что является их отличительной особенностью в социологии; вы упустите целый аспект теоретических работ, проделанных психоаналитиками, в особенности последователями Лакана. Далее, в дискус-

⁷ Engel P. Op. cit. P. 42.

сии об идеях, предшествовавшей и последующей движению 1968 г., легко найти место тех, кто так или иначе обучался у Кангилема»⁸.

Такая оценка деятельности Кангилема справедлива и с точки зрения взаимоотношений философии и психологии. Проблемы, выделенные Кангилемом в предлагаемой статье, задали рамки и определили характер рассмотрения психологии во французской философской среде на протяжении последующих десятилетий. В то же время успехи психологии как научной дисциплины, возможность использования результатов психологических исследований в философии (в частности, в эпистемологии) послужили причиной возобновления интереса к проблеме взаимоотношений философии и психологии. Поэтому обращение к статье Кангилема «Что такое психология?», пересмотр сформулированных в ней тезисов необходимы для прояснения специфики восприятия психологии, причем не только с целью более полного понимания французской философии XX в., но и преодоления существующих противоречий между философскими и психологическими дисциплинами.

⁸ Foucault M. Introduction // G. Canguilhem. On the Normal and the Pathological. N. Y., 1991. P. 7–8.